

И.Д. Назаров

Усмотрение суда: компромисс права и морали

В статье автор пытается исследовать природу судебного усмотрения, представление о нем в различные исторические эпохи развития общества, приводит сравнительный анализ подходов к судебному усмотрению с позиции семьи общего права и континентальной правовой семьи. Особое внимание в статье уделено рассмотрению факторов, оказывающих влияние на формирование судебного усмотрения. Основной идеей статьи является прояснение детерминирующих причин судебного усмотрения с целью установления возможного компромисса между правом и моралью правоприменителя.

Ключевые слова: судебное усмотрение; мышление правоприменителя; право справедливости; факторы судебного усмотрения.

На любом этапе развития общества изменяющиеся общественные отношения ставят перед законодательными и правоприменительными органами государственной власти многочисленные по количеству и фундаментальные по сути социальные проблемы. На сегодняшний день динамичность социально-политических и экономических процессов при недостаточной эффективности и системности правотворчества выдвигает на первый план проблему судебного усмотрения.

Начиная рассмотрение вопроса об особенностях судебного усмотрения, прежде всего необходимо уяснить значение понятия «усмотрение». В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова понятие «усмотрение» истолковывается как «решение, заключение, мнение. Представить что-н. на чье-н. у. Действовать по своему усмотрению. На ваше у. (как решите вы)» [11: с. 1254]. В некоторых случаях толкование данного понятия сводится к «установлению», «рассмотрению», «фиксации» в каком-либо деянии (действии или бездействии) смысла, не являющегося очевидным, а зачастую и скрытого.

Действующее процессуальное законодательство Российской Федерации хотя и содержит понятие «усмотрение», но не дает ему определения (ч. 6 ст. 115, ч. 1 ст. 191, ч. 2 ст. 256, ч. 1 ст. 280 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ч. 3 ст. 125, ч. 1 ст. 179 Гражданского процессуального кодекса РФ и т. д.).

Определение понятию «рассмотрение» разработано исключительно в рамках юридической науки в отношении к правоприменительному и, в частности, судебному усмотрению. Так, П.И. Люблинский дает следующее определение понятию «усмотрение в государственно-правовом смысле»: «...право свободно-

целесообразной оценки в применении, по указанным в законе основаниям, предоставленных данному органу полномочий» [9: с. 3]. Как отмечает В.Г. Антропов, «правоприменительное усмотрение есть предоставленная правом властная интеллектуально-волевая деятельность правоприменителя по выбору субъективно-оптимального решения» [1: с. 62]. По мнению Ю.В. Грачевой, «судейское усмотрение — это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление судье в случаях, предусмотренных правовыми нормами, полномочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии со своим правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права, конкретных обстоятельств дела, а также основ морали» [6: с. 7]. Таким образом, при анализе таких понятий, как «правоприменительное усмотрение» или «судебное усмотрение» необходимо учитывать, что в этом случае «усмотрение» имеет особый смысл и обладает своими специфическими признаками, которые не принимаются во внимание в смежных науках и не получают в них должного разъяснения. В связи с этим исследование понятий «правоприменительное усмотрение» или «судебное усмотрение» следует проводить преимущественно в правовой сфере, не пренебрегая при этом достижениями других наук.

Следует отметить, что вопрос о значении судебного усмотрения для целей правосудия рассматривался учеными с древних времен. Так, Аристотель, давая оценку деятельности эфоров (выборные администраторы, судьи по гражданским делам в древней Спарте и Афинах), пишет: «Сверх того, эфоры выносят решения по важнейшим судебным делам, между тем как сами они оказываются случайными людьми; поэтому было бы правильнее, если бы они выносили свои приговоры не по собственному усмотрению, но следуя букве закона» [2: с. 341–342]. Интересный с точки зрения прямого воздействия на усмотрение суда случай приводит Плутарх: «Манлий оказался под судом, но непреодолимым препятствием для обвинителей был вид на Капитолий, открывавшийся с форума, — вид того места, на котором Манлий бился с кельтами: он внушал чувство сострадания всем присутствующим, да и сам ответчик, простирая в ту сторону руки, со слезами напоминал о своей доблести в ночном бою, так что судьи были в затруднении и много раз откладывали дело, не желая оправдывать преступление, яснейшим образом доказанное, но не в силах применить закон, поскольку у всех перед глазами стоял подвиг обвиняемого» [13: с. 171].

Наиболее оригинальным и последовательным является исследование понятия «усмотрение» в системе правовых взглядов Г.В.Ф. Гегеля. По мнению Гегеля, применение права представляет собой «применение общего понятия к особенному, данному извне состоянию предметов», «применимость к единичному случаю» [5: с. 251]. Эта функция осуществляется «правительственной властью..., в которую входят также судебная и полицейская власти...» [5: с. 329], которая не может в силу объективных обстоятельств избежать усмотрительного момента.

«Правительственные дела по своей природе объективны, для себя по своей сущности уже решены, и индивиды должны их выполнять», тем не менее они осуществляются индивидами, которые «не предназначены к выполнению этих функций своей природой, личностью и рождением», следовательно, индивид избирается для занятия должности и уполномочивается ведать публичными делами в отсутствии какого-либо абсолютно определяемого преимущества его над другими» [5: с. 332–333]. Таким образом, «установление этой связи между индивидом и должностью, как двумя друг для друга всегда случайными сторонами» [5: с. 333], всегда получается случайным и произвольным.

Поскольку «определенность понятия указывает лишь общую границу, внутри которой еще происходит колебание в ту или иную сторону. Однако для того чтобы имело место осуществление, это колебание должно быть прервано, вследствие чего внутри этой границы появляется случайное и произвольное решение. В этом заострении всеобщего, в переходе не только к особенному, но и к единичному, т. е. к непосредственному применению, преимущественно и заключается чисто позитивное в законе. Невозможно разумно определить..., что более справедливо: наказание за проступок сорока ударами или на один удар меньше...? И все-таки даже один лишний удар... — уже несправедливость» [5: с. 251]. Гегель таким образом указывает, что судебное усмотрение состоит в том, что в некоторой степени случайное лицо, согласно своему субъективному усмотрению, принимает в некоторой степени случайное решение по делу, которое по сути своей является произволом.

Особый интерес представляют подходы к судебному усмотрению в рамках различных правовых семей, в особенности семьи общего права (36 государств — членов Британского Содружества). Основными характеристиками, оказывающими влияние на роль судейского усмотрения в рамках семьи общего права, являются:

Доктринальная гибкость общего права. Британский правовед Э. Леви, определяя основные характеристики национальной системы права, утверждает: «Категории, применяемые в юридическом процессе, должны быть неясными, двусмысленными в целях предоставления возможности вливания новых идей в судебное разбирательство. И это действительно необходимо, даже в случае неясности, неопределенности нормы права. Терминология, применяемая законодателем, должна быть способна приобретать новые значения... Таким способом законы будут выражать идеи общества даже тогда, когда они написаны в общем смысле, и, следовательно, будут применимы в процессе рассмотрения конкретных дел» [12: с. 17].

Наличие доктринальной гибкости приводит к двум последствиям, оказывающим влияние на состояние судебного усмотрения в рамках данной правовой семьи. Главным последствием является доктрина *stare decisis* (судебный прецедент), в силу которой суды стран общего права в отличие от судов романо-германской (континентальной) правовой семьи при отправлении правосудия

следуют соответствующему судебному прецеденту. Тем не менее следует обратить внимание на то, что в настоящее время указанное положение постепенно подвергается изменению. Так, по мнению Р. Давида, во Франции происходит усиление судейского нормотворчества, в Германии, Аргентине, Швейцарии, Португалии предусматривается обязанность судьи следовать определенному прецеденту или «направлению», установленному прецедентом (*auctoritas rerum similiter judicaturam*) [7: с. 41].

В Российской Федерации прослеживается тенденция придания отдельным постановлениям высших судебных инстанций силы, сходной прецеденту. Подтверждением данного положения являются правила, закрепленные в п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ и п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003 «О судебном решении». Другим следствием доктринальной гибкости общего права выступает реальное усмотрение судей в процессе формирования правовых доктрин. Процесс принятия судебных решений в странах общего права представляется не столько предназначенным для гарантирования доктринальной гибкости, сколько для дозволения судьям «осуществлять правосудие» (*do justice*) в каждом конкретном деле. Следует отметить, что усмотрение судей стран общего права не предназначено для установления единого правового критерия в целях одинакового разрешения по существу похожих между собой дел в случае неясности нормы права, а направлено на определение различий между конкретными делами.

Следующей отличительной особенностью семьи общего права, оказывающей влияние на применение усмотрения суда в процессе рассмотрения и разрешения конкретного дела, является доминирующее положение в ней английского права. Причем «английское право» в данном случае понимается не как свод правовых норм, действующих на территории Великобритании, а как правовая модель (совокупность правовых принципов, формул и юридических конструкций), принятая и применяемая определенной частью человеческого общества. Особый взгляд семьи общего права на усмотрение как на осуществление правосудия по каждому конкретному делу (*do justice*) объясняется наличием в структуре «английского права» права справедливости (изначально — суд лорда-канцлера), основные черты которого по своей сути являются чисто усмотрительными:

- а) не правовые и нормативные аспекты, а моральные соображения и доводы кладутся в основу принимаемого судом решения;
- б) декларируется помощь бедным и слабым;
- в) провозглашается возможность судебной защиты от обмана;
- г) решения принимаются на основании усмотрения суда, а не на основании абстрактных норм общего права [15: с. 104–117].

Таким образом, в странах общего права, в отличие от стран континентального права, справедливость, применяемая в процессе рассмотрения и разрешения конкретных дел, существенно расширяет сферу судебного усмотрения

в целях сохранения гибкости при осуществлении правосудия. Данный подход, тем не менее, включает в себя и определенные риски, поскольку отправление правосудия лишь на основании судебного усмотрения без соблюдения положений, содержащихся в действующих правовых нормах, а также без ограничения усмотрения судьи общими и специальными пределами неизбежно приведет к опасности, о которой предупреждал Гегель, — к произволу.

Так что же влияет на формирование судебного усмотрения, какие причины способствуют выбору того или иного варианта решения? Ответы на эти вопросы раскрывают нам факторы формирования судебного усмотрения. Классификация мотивов социального действия, предложенная одним из основателей современной политической социологии М. Вебером, позволяет выделить четыре основные группы факторов судебного усмотрения: ценностно-рациональные, целе-рациональные, традиционные, аффективные [4: с. 628].

Ценностно-рациональные факторы судебного усмотрения представляют собой совокупность взаимодействующих систем ценностей правоприменителя, на которые он ориентируются, принимая правоприменительное решение. Перечень таких ценностей можно условно разделить на правовые, нравственные, интеллектуальные. Условность такого разделения очевидна: поскольку значительная часть нравственного неизменно оказывается в области материально-правового («право есть низший предел или определенный минимум нравственности» [18: с. 448]), так и значительная часть интеллектуального необходимо присутствует в области процессуально-правового производства (доказывание, мотивирование). Тем не менее пересечение объема понятий не влечет полного их совпадения.

Система правовых ценностей, непосредственно детерминирующая судебное усмотрение, находит свое отражение не столько в действующем законодательстве (как в некотором наборе текстуально-правового материала), сколько в ассоциированном с этим материалом сознании правоприменителя (в данном случае судьи). По мнению Ж.П. Сартра, «символы текста пусты без приданных им значений. Субъективизация текста правовых норм осуществляется самим правоприменителем, который сам творит значения, и ни одно значение не прилагается к нему извне» [17: с. 11]. Таким образом, Сартр утверждает, что текст осмысливается в рамках собственного правового мировоззрения правоприменителя, системно-ценностный аспект которого представляет правовая идеология. Равновесие между правоприменительным решением и правовой идеологией можно считать, по выражению Дж. Роулса, «...рефлексивным. Поскольку при равенстве прочих факторов одна концепция справедливости становится предпочтительнее, чем другая, когда ее более широкие последствия являются более желательными. Желаемое решение рефлексивно на принятие имплицитующей именно его правовой идеологии, обеспечивая известный логический баланс» [16: с. 40].

Из данной цитаты можно сделать вывод, что правовая идеология оказывается детерминантой судебного усмотрения.

Вопрос о системе нравственных ценностей, а также вопрос о свободе их выбора (весьма принципиального для судебного усмотрения) можно раскрыть на примере аргументации, предложенной К. Поппером: «Полная ответственность за наши этические решения ложится на нас и не может быть передана никому другому — ни Богу, ни природе, ни обществу, ни истории. Все эти этические теории стремятся найти какой-нибудь аргумент, который мог бы снять с наших плеч эту ношу. Однако от этой ответственности избавиться невозможно. Каким бы авторитетам мы ни поклонялись, им поклоняемся именно мы» [14: с. 109]. Из этого утверждения следует, что усмотрение судьи в процессе вынесения решения по делу в значительной мере зависит от признаваемых им нравственных ценностей, что, в конечном счете, выражается в состоянии компромисса правовой идеологии и нравственных ценностей правоприменителя.

Наличие различных систем правовых и нравственных ценностей — явление достаточно очевидное и всеми признанное; что касается значения интеллектуальных ценностей для целей человеческой деятельности (в том числе и отправления правосудия), то данный вопрос в правовой науке еще не полностью раскрыт. Следует отметить, что интеллектуальные ценности представляют собой не собственно интеллект как способность (вследствие которой человек правильно судит, понимает и размышляет), а, по мнению В.Г. Антропова, «системно-ценностный аспект такой способности — здравый смысл» [1: с. 112].

Мышление правоприменителя зависит не только от форм мышления всего человечества и отдельных социальных групп, которые разработали уникальный стереотип мышления в ходе бесконечного ряда реакций на типичные ситуации, характеризующие общую для них позицию и создают собственные индивидуальные формы мышления, соответствующие их неповторимому правовому опыту. Попытки отграничения форм мышления, признаваемых здоровыми, от тех, которые в качестве здоровых быть признанными не могут, на уровне правовых принципов достаточно известны: *testis unus, testis nullus* (один свидетель — не свидетель), *abusus non tollit usum* (злоупотребление не отменяет употребления), *fatetur facinoris, qui iudicium fugit* (сознается в преступлении тот, кто избегает суда). Часть из таких положений пережила века, часть — была опровергнута, часть — характеризуется заметным дуализмом¹. Тем не менее указанные положения всегда выступали детерминантой судебного усмотрения, будучи сформулированными тысячу лет назад, они до настоящего времени влияют на правовую позицию высших судебных инстанций [3: с. 7].

Целе-рациональные факторы судебного усмотрения представляют собой совокупность взаимодействующих целей правоприменителя, к достижению которых он стремится, принимая решение по делу. Следует отметить, что сами по себе «намерения человека не всегда ясны даже ему самому» [19: с. 152] и выступают скорее инструментом, чтобы сделать поведение понятным как

¹ *Causa proxima, non remota spectatur* — принимается во внимание ближайшая, а не отдаленная причина.

для самого себя, так и для других. С одной стороны, разделяя предположение о том, что «хотеть чего-нибудь и иметь возможность исполнить желаемое и все-таки не сделать того, чего хочешь, во имя признанного правила жизни, — это высочайшая мыслимая степень развития свободы воли» [10: с. 154], нельзя не признать, что столь высочайшая мыслимая степень развития свободы воли обнаруживается лишь у очень узкого круга лиц. В отношении же широкого круга правоприменителей можно говорить, что для них целе-рациональные детерминанты занимают не последнее место и делают эти правоприменители зачастую то, что, по их убеждению, обеспечит им достижение собственных целей (экономических, политических, карьерных и т. д.). С другой стороны, неосознанность намерений не свидетельствует об их отсутствии, а их теоретически инструментальный характер имеет в праве вполне практические приложения (субъективная сторона деяния).

Весьма часто возникает ситуация, в рамках которой происходит смешение ценностно- и целе-рациональных факторов. В самом деле, поскольку «выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями может быть в свою очередь ориентирован ценностно-рационально» [4: с. 629], ценностно-рационально поставленная цель, опосредованно ценностно рационализирует судебное решение, выступающее средством его достижения. Однако это лишь исключение из правила. По мнению М. Вебера, «системы целей не выстраиваются в соответствии с иерархией ценностей» [4: с. 629], а системы правовых средств далеко не всегда адекватны системам целей. Насколько далеко может разойтись общая ценностно-рациональная и конкретная целе-рациональная практика в случае взаимодействия между правоприменительным и преступным сообществом, когда некоторые законы не применяются (решения не выносятся) против определенных лиц вследствие ожидаемой в будущем «расплаты» с правоприменителями и применяются другие «более приоритетные» законы? Таким образом, правоприменительное усмотрение порой оказывается как выходящим из ценностно-рационального, так иногда и ведущим к целе-рациональному. Из этого следует, что система целей оказывается детерминантой судебного усмотрения.

Традиционные факторы судебного усмотрения представляют собой совокупность взаимодействующих установок (стереотипов) правоприменителя, на которые он ориентируется, принимая судебное решение. Механизм влияния на правоприменительное решение установок, как некоторых стандартов, шаблонов, испытанного и — в силу того — приоритетного, привычного, в значительной степени подобен механизму влияния систем ценностей. Существенное различие между ними в том, что система ценностей функционирует достаточно осознанно, а система установок (стереотипов) — практически бессознательно. Если систему ценностей можно рассматривать как жизненные убеждения, то систему установок — скорее как конкретно-ситуативные предубеждения. Следование им несколько не влечет (за исключением, может быть, корпоративного понимания и поддержки) какого-либо поощрения, также как и неследование не влечет никаких санкций (за исключением, может

быть, корпоративной неприязни или простого непризнания корпоративной значимости: несанкционирование, пересмотр, отмена принятого решения). Тем не менее необходимость учитывать психологию служебных отношений, позитивное и негативное влияние и другие факторы, связанные с приоритетами, стереотипами, стандартами, принятыми в корпоративной группе, требуют включения их в ряд факторов судебного усмотрения.

Аффективные факторы судебного усмотрения представляют собой совокупность слабо контролируемых сознанием и волей эмоциональных процессов (чувства, эмоции, аффекты, страсти, настроения и т. д.), влияющих на принятие судебного решения. В качестве таковых могут рассматриваться как сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, возникающие в ответ на фактически наступившие правоприменительные ситуации (убийства, разбойные нападения, изнасилования и т. д.), так и достаточно устойчивые состояния, выражающие оценочно-личностное отношение к ситуации, еще только формирующейся или только возможной в случае применения права [8: с. 35–39].

Признание правоприменительного усмотрения волевой деятельностью неизбежно влечет и признание того, что правоприменительное усмотрение всегда в той или иной степени обусловлено аффективными детерминантами. Последние принципиально не устранимы, поскольку нет такого чувства или такого аффекта, которые не подготавливали бы так или иначе какое-нибудь волевое действие. Причем вследствие переживания нескольких одновременно возникших эмоциональных волнений или наложения новых на еще актуальные предшествующие, правоприменитель попадает в поле действия столь сложного комплекса со- или противодействующих мотивов и состояний, что не может претендовать ни на беспристрастную оценку, ни, соответственно, на беспристрастное волеизъявление. По мнению В.И. Несмелова, «если для человека может представиться одновременно несколько разных мотивов различных действий, то сильнейшим всегда будет тот, который изберет себе воля в качестве действительного мотива своей деятельности, но она изберет его вовсе не потому, что он сильнейший, а наоборот — потому именно он и окажется сильнейшим, что она его изберет» [10: с. 155]. Таким образом, система аффективных состояний оказывается детерминантой правоприменительного усмотрения.

Данные социологических исследований в судопроизводстве приводят к заключению, что «истина состоит не только в том, что провозглашает право или считают правильным судьи, руководствующиеся своими личными убеждениями, но в психосоциальной действительности, отражающееся в стремлении к разумному согласованию различных факторов, которые судьи по своему усмотрению считают правовыми факторами. Такое общекорпоративное разумное согласование и есть не что иное, как своеобразное «вычисление» комплексной итоговой детерминанты правоприменительного усмотрения

по своему «алгоритму», исходя из детерминант, признанных относительно элементарными» [1: с. 124].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что формирование судебного усмотрения происходит в рамках нравственно-психологической сферы конкретного индивидуума (ценностей, стереотипов, установок, воззрений, убеждений, социальных ориентаций и т. д.), что не может с рациональной точки зрения не расцениваться как произвол. Тем не менее на современном этапе развития общества судебное усмотрение является эффективным инструментом преодоления правовых пробелов, а также делает возможным индивидуальное рассмотрение каждого конкретного дела исходя из его обстоятельств. Процессуальное право содержит правовые пределы, которые сами по себе не могут существенно повлиять на ограничения судебного усмотрения, ибо бессознательное в человеке не может быть урегулировано ни одной правовой нормой. Данный факт корреспондирует нас к воле каждой конкретной личности, поскольку только с ее помощью человек может установить пусть и нестабильный, но все-таки баланс права и морали.

Литература

1. *Антропов В.Г.* Правоприменительное усмотрение: понятие и формирование (логико-семантический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995. 180 с.
2. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Бюллетень Верховного суда РФ. 1993. № 12.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. *Грачева Ю.В.* Судейское усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 32 с.
7. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. 279 с.
8. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971. 40 с.
9. *Люблинский П.И.* Основания судейского усмотрения в уголовных делах. СПб.: Сенатская тип., 1904. 34 с.
10. *Несмелов В.И.* Наука о человеке // Философские науки. 1991. № 2. С. 149–156.
11. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014. 1376 с.
12. *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. 413 с.
13. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / общ. ред. С. С. Аверинцева. Т. 1. М.: Наука, 1994. 702 с.
14. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Феникс, 1992. 448 с.
15. *Романов А.К.* Правовая система Англии. М.: Депо, 2000. 344 с.
16. *Роулс Дж.* Теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 38–52.
17. *Сартр Ж.П.* Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993. 240 с.
18. *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с.
19. *Шибутани Т.* Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. 535 с.

Literatura

1. *Antropov V.G.* Pravoprimenitel'noe usmotrenie: ponyatie i formirovanie (logiko-semanticheskij aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 1995. 180 s.
2. *Aristotel' Sochineniya*: v 4 t. / per. s drevnegrech.; obshh. red. A. I. Dovatura. T. 4. M.: My'sl', 1983. 830 s.
3. Byulleten' Verxovnogo suda RF. 1993. № 12.
4. *Veber M.* Izbranny'e proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
5. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava / red. i sost. D.A. Kerimov, V.S. Nersesyancz. M.: My'sl', 1990. 524 s.
6. *Gracheva Yu.V.* Sudejskoe usmotrenie v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 32 s.
7. *David R.* Osnovny'e pravovy'e sistemy' sovremennosti. M., 1988. 279 s.
8. *Leont'ev A.N.* Potrebnosti, motivy' i e'mocii. M.: MGU, 1971. 40 s.
9. *Lyublinskij P.I.* Osnovaniya sudejskogo usmotreniya v ugovny'x delax. SPb.: Senatskaya tip., 1904. 34 s.
10. *Nesmelov V.I.* Nauka o cheloveke // Filosofskie nauki. 1991. № 2. S. 149–156.
11. *Ozhegov S.I.* Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2014. 1376 s.
12. *Papkova O.A.* Usmotrenie suda. M.: Statut, 2005. 413 s.
13. *Plutarx.* Sravnitel'ny'e zhizneopisaniya: v 2 t. / obshh. red. S. S. Averinceva. T. 1. M.: Nauka, 1994. 702 s.
14. *Popper K.* Otkry'toe obshhestvo i ego vrugi: v 2 t. T. 1. M.: Feniks, 1992. 448 s.
15. *Romanov A.K.* Pravovaya sistema Anglii. M.: Depo, 2000. 344 s.
16. *Rouls Dzh.* Teoriya spravedlivosti // Voprosy' filosofii. 1994. № 10. S. 38–52.
17. *Sartr Zh.P.* Problemy' metoda. M.: Progress, 1993. 240 s.
18. *Solov'ev V.S.* Sochineniya: v 2 t. T. 1. M.: My'sl', 1990. 892 s.
19. *Shibutani T.* Social'naya psixologiya. M.: Progress, 1969. 535 s.

I.D. Nazarov

The Discretion of the Court: the Compromise of Law and Morality

In article the author tries to explore the nature of judicial discretion, the idea of it in various historic periods of development of society, to give comparative analysis of approaches to judicial discretion from the perspective of common law and the continental legal system. A special attention is paid to the consideration of the factors affecting the formation of judicial discretion. The main idea of the article is to clarify the reasons for determining judicial discretion in order to establish a possible compromise between law and morals enforcer.

Keywords: judicial discretion; law enforcer's thinking; law of justice; judicial discretion factors.